

Блок, Свиридов, Хворостовский

Юбилейный вечер композитора в Большом зале консерватории

Мария Бабалова

К

омпозитору всегда трудно принять версии воплощения собственных творений. Это понятно: в душе и даже на нотных листах все выглядит правдоподобнее и ближе к идеалу. Найти своего исполнителя композиторскому гению иногда сложнее, чем создать даже свое лучшее произведение. Ведь здесь все зависит не от таланта творца, а от господнего Провидения, изредка дарующего случайную встречу. У Свиридова все именно так и одновременно иначе. С одной стороны, его сочинения настолько любимы на всем постсоветском пространстве, что, подобно произведениям Моцарта в XVIII веке, исполняются на улицах городов (на том же Арбате). С другой же — композитор в высшей степени щепетильно относится к работе музыкантов. Так что заниматься творениями Свиридова с благословения самого создателя не только огромный скрупулезный труд, порой под очень жестким контролем автора, но также и большая привилегия. Этой привилегии удостоивались такие выдающиеся дирижеры и вокалисты, как Светланов, Федосеев, Чернушенко, Минин и Архипова, Образцова, Лемешев,

Нестеренко. Замыкает список на сегодняшний день Дмитрий Хворостовский, пользующийся — к его собственному удивлению — исключительным правом самостоятельной работы. Именно ему была представлена честь выступить в восьмидесятый день рождения Свиридова на фестивале, посвященном этой дате.

На протяжении всего вечера психологическая пружина концерта была сжата до предела. Начало — шесть романсов на слова Пушкина, написанных композитором в 19 лет, в том же возрасте, в каком Рахманинов создал своего «Алеко». «Роняет лес багряный свой убор», «К няне», «Зимняя дорога» или «Подъезжая под Ижору» — во всех романсах Хворостовский продемонстрировал чистое вокальное звучание и уникальную эмоциональную точность. Строгая неспешность и фатальное спокойствие, с какими один романс следовал за другим, придали им удивительно глубокое, почти философское звучание. Потом последовала долгожданная премьера: завершенная только в 1995 году поэма на стихи Блока «Петербург». К сожалению, из нее было представлено лишь шесть частей (всего их девять). Всей поэме еще предстоит быть услышанной, превратиться в сложнейший с музыкальной точки зрения сорокаминутный цикл и пережить свою мировую премьеру в Лондоне в марте сле-

дующего года. Однако уже сейчас в интерпретации Дмитрия Хворостовского и пианиста Михаила Аркадьева, чье мастерство достойно особого разговора, выстроен очень логичный сюжет всей поэмы. Само обращение певца к этому сочинению после интереснейшего, вызвавшего немало споров, но никого не оставившего равнодушным исполнения два года назад «Песен и плясок смерти» Мусоргского кажется закономерным и даже неизбежным.

Смутные образы поэмы стали осязаемыми персонажами с противоречивыми и яркими характерами. Например, невозможно было отделаться от мысли, что блоковская «Невеста» ожидает «иногo Жениха», который может к ней прийти только из «Полководца» вышеупомянутых «Песен» Мусоргского. И даже опьяненная горем душа («Я пригвожден к трактирной стойке») приобрела ясные черты в зачаровывающе бархатном тембре голоса Хворостовского, в котором, казалось впечатление, слились воедино звуки и краски всех мужских регистров, при том что свиридовская партитура требует высочайшей вокальной виртуозности.

В заключительной части вечера был исполнен цикл на стихи Есенина «Отчалившая Русь», созданный Свиридовым в 1977 году. Хворостовскому удалось найти особую выразительность и смысл, который не требует языкового перевода. Это и реквием по Руси — «Трубит, трубит погибельный рог». На фразе «никуда не уйти» настолько силен энергетический и звуковой посыл исполнителей, что начинаешь сознавать подлинный масштаб ужаса, заключенный в слове «неизбежность». Но здесь рядом и смиренная просветленная молитва за Русь: «О верю, верю, счастье есть!». И гимн ей — «Отчалившая Русь»; «О родина, счастливый и неисходный час!». Наверное, это та самая Русь, где есть место невидимому Китежу Римского-Корсакова.

Дмитрию Хворостовскому и Михаилу Аркадьеву тесно в жанровых рамках вокального цикла. Они создали истинный спектакль, даря ему судьбу настоящей оперы, хотя, строго говоря, Георгий Свиридов не написал пока ни одной оперы. Но Свиридов сумел сделать гораздо более важное. Если бы Федор Тютчев имел возможность услышать свиридовскую музыку, может быть, он никогда не написал бы «умом России не понять»: слушая музыку Свиридова, так глубоко чувствуешь Россию, что непременно постигаешь ее.

ЕВГЕНИЙ БРЯНЦОВ